

Научная статья
УДК 821.161.1.09“18”
DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982

Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»

И. А. Киселева^{1✉}, Е. С. Сахарчук²

¹ *Московский государственный областной университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru[✉]

² *Российская академия образования
(г. Москва, Российская Федерация)*

e-mail: 1515303@mail.ru

Аннотация. В статье уточняется жанровая содержательность романа «Подросток» как романа воспитания, выявляются философско-педагогические идеи Ф. М. Достоевского о принципах и содержании духовно-нравственного воспитания в православной среде. Прослеживается связь художественной подачи в романе воспитательного процесса с представлениями автора, близкими по своей сути идеям христианско-антропологического направления в педагогике второй половины XIX в. Ф. М. Достоевский в противовес и в преодоление незаконному в духовном и гражданском понимании «случайному семейству» предлагает обществу идею родственной любви, проявляющуюся в «уме сердца» (эмоциональном интеллекте), единстве ценностно-нравственных оснований, взаимном уважении и поддержке, ненасильственных отношениях. Изобразив историю «случайного семейства», явившегося следствием Божьего попуска человеческой немощи и неразумия, Ф. М. Достоевский позволяет героям и читателю увидеть в феномене семьи идеал человеческих отношений, который отвечает воле Божьей и сущностному миропорядку. Роман понимается как изображение пути духовного взросления человека. Критически рассматривается трактовка негативной роли Версилова в духовном становлении Аркадия Долгорукого. Позитивные изменения в душе Подростка определяются желанием познавать и познанием душевного устройства отца. Показано, как пространство родственной любви и семьи помогает рождению соборной личности Подростка, духовно обогащает всех членов семейства. Делается вывод о том, что развитие молодого человека обусловлено как его собственными свойствами, так и общими усилиями семьи, движущейся к своему идеалу через преодоление приносящей страдание разобщенности.

Ключевые слова: духовное возрастание, «Подросток», православное воспитание, родственная любовь, роман воспитания, семья, Ф. М. Достоевский

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44224 («Факторы формирования социокультурной идентичности студентов в условиях поликонфессиональности: теологический и психолого-педагогический подходы»).

Для цитирования: Киселева И. А., Сахарчук Е. С. Идея родственной любви в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 150–169. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982

The Idea of Kindred Love in F. M. Dostoevsky's *The Raw Youth*

Irina A. Kiseleva¹✉, Elena S. Sakharchuk²

¹ *Moscow State Regional University*
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru ✉

² *Russian Academy of Education*
(Moscow, Russian Federation)

e-mail: 1515303@mail.ru

Abstract. The article clarifies the genre content of the novel *The Raw Youth* as a novel of education, reveals the philosophical and pedagogical ideas of F. M. Dostoevsky regarding the principles and content of spiritual and moral upbringing in the Orthodox environment. The connection between the artistic presentation of the upbringing process in the novel and the author's ideas, which are essentially similar to the ideas of the Christian anthropology school in late 19th century pedagogy, is outlined. In contrast with and in overcoming the "accidental family," which is extralegal in the spiritual and civil sense, Dostoevsky offers society the idea of kindred love, which is manifested in the "mind of the heart" (emotional intelligence), the unity of value and moral grounds, mutual respect and support and non-violent relations. Depicting the story of the "accidental family," which was the result of God's indulgence of human infirmity and lack of reason, F. M. Dostoevsky allows the heroes and the reader to see the human relations ideal in the phenomenon of the family. The former correlates with the will of God and the essential world order. The novel is understood as a representation of a person's spiritual path. The interpretation of the negative role of Versilov in the spiritual formation of Arkady Dolgoruky undergoes a critical examination. Positive changes in the soul of the Raw Youth are determined by the desire to know and the knowledge of the father's spiritual make-up. The space of kindred love and family is revealed to be instrumental in the emergence of the collective personality of the Raw Youth and in the spiritual enrichment of all family members. The author concludes that the development of a young person is conditioned both by his own search for the ideal, which is typical for youth, and by the joint efforts of the family that moves towards its ideal through overcoming the separation, which is a source of suffering.

Keywords: spiritual growth, “The Raw Youth,” Orthodox upbringing, kindred love, novel of upbringing, family, F. M. Dostoevsky

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44224.

For citation: Kiseleva I. A., Sakharchuk E. S. The Idea of Kindred Love in F. M. Dostoevsky’s “The Raw Youth”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 150–169. DOI: 10.15393/j9.art.2021.9982 (In Russ.)

Роман воспитания «Подросток» в связи с особенностями его поэтики и жанрового содержания не раз становился предметом исследования. Духовное становление личности в качестве ведущей идеи романа было обозначено еще В. Л. Комаровичем, который уделил значительное внимание проблеме ценностных ориентиров романа и констатировал, что «история “подростка” — история первых шагов на жизненном поприще», первых колебаний между добром и злом» [Комарович: 46]. Исследования А. С. Долинина также были ориентированы на процесс становления душевного мира подростка. Отмечая ведущую черту романа воспитания — повествование от первого лица, А. С. Долинин пишет: «Уже в самой архитектонике “Исповеди”, в самом ее стиле, юношески наивном, лирически взволнованном, должен обнаружиться образ Подростка» [Долинин: 96]. Е. И. Семенов, полагая что «главным идейно-тематическим источником романа воспитания является нравственное становление личности, пути ее социального и культурного самоопределения, попытки однозначно ориентировать себя среди разноречивых идейных ценностей» [Семенов: 70], однозначно относил «Подростка» к данному типу романа. Однако, несмотря на значительное количество работ, связанных с осмыслением жанровой сущности «Подростка» как романа воспитания, который «показывает душу героя в движении, развитии, в переходе от одних убеждений к другим» [Воронина: 16], принципы и основания самого педагогического процесса и пути его художественной подачи в романе в полноте не были выявлены. До настоящего времени педагогические идеи Ф. М. Достоевского составляют актуальное и недостаточно исследованное поле и чаще всего связаны с изучением «Дневника Писателя». Так, А. Н. Кошечко

и Е. И. Пацѳорка на основе «Дневника Писателя» выделяют обозначенные Ф. М. Достоевским три направления воспитания ценностной сферы личности: эмоциональное, смысловое, религиозное [Кошечко, Пацѳорка]. Воспитание у Ф. М. Достоевского, по мнению исследователей, представляет собой «диалогический процесс духовного общения», формирующего условия «внутреннего понимания и принятия, взаимного нравственного совершенствования» [Кошечко, Пацѳорка: 109]. В романе «Подросток» Ф. М. Достоевский художественно показывает этот взаимный характер воспитания: его переходы от одних убеждений к другим, изменения в душе воспитанника (Аркадия Долгорукого) коррелируют с движениями в душе воспитателя — Версилова, являющегося «мечтой» сына. Это двустороннее движение во многом определяет представленный в романе воспитательный процесс, непосредственно связанный с восприятием мышления Ф. М. Достоевского «как мышления соборного» [Есаулов, Тарасов, Сытина: 28] и подтверждает указанное исследователями стремление писателя — «найти человека в человеке» [Викторович: 27].

Философско-педагогические представления Ф. М. Достоевского развивались в русле антрополого-педагогической мысли, определяющей человека как системообразующую категорию педагогики, характерную для России второй половины XIX в. [Пичугина]. Наибольшее влияние закрепилось за православным гуманистическим направлением, концентрирующемся на внутренней (онтологической) сущности воспитуемого. Представителями православного гуманистического направления являются современники Ф. М. Достоевского — Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, П. Д. Юркевич и др. Педагогическое значение творчества Ф. М. Достоевского подчеркивает Р. Вассена, отмечая, что популяризация творчества писателя для детского чтения в XIX в. велась «на фоне растущего уважения интеллигенции к педагогической практике и большего осознания ею своей культурно-просветительской миссии по отношению к русскому народу» [Вассена: 117]. Принадлежащий к числу наиболее читаемых авторов книг по истории русской мысли религиозный философ, богослов и педагог В. В. Зеньковский сформулировал идею о связи проблемы воспитания с темой

спасения; при разработке педагогической системы церковной педагогики он опирался на духовно-нравственные идеи выдающихся русских писателей-классиков, особое место среди них занимает Ф. М. Достоевский [Киселева, Сахарчук]. «Достоевский, — писал В. В. Зеньковский, — антропоцентричен, а его философское мировоззрение есть прежде всего персонализм» [Зеньковский: 403]. Реализация принципов христианско-антропологического воспитания, основанных на Священном Писании и раскрытых Отцами Церкви и русской богословской мыслью: сотериологизм, свобода воли, представление о трехсоставном устройстве человека (тело-душа-дух) — нацелена на реализацию человека в земной жизни в форме «сотрудничества с Богом и другими людьми» [Филиппов, Жирнов: 206]. Исследователи отмечают, что Ф. М. Достоевский «рассматривает человека как существо духовно-телесное, наделенное свободой воли и бесконечными потенциями для духовного развития и возрастания» [Кошечко, Пацюрка: 109]. М. А. Широкова обращает внимание на обозначенные писателем «пороки» воспитания: пренебрежительное отношение к духовному миру ребенка, излишняя назойливость воспитателей, предвзятость, заигрывание с воспитанником как результат небрежного к нему отношения, слепая любовь, стремление все облегчить воспитаннику, подавить его оригинальность, любые проявления жестокости; «причинами, портящими прекрасный лик ребенка, выдвигаются наследственная предрасположенность, плохое воспитание, дурной пример родителей и положение в обществе» [Широкова: 94].

Рассмотрим ближайшее окружение главного героя романа Аркадия Долгорукова: какова среда и каковы характерные для нее тактики воспитания. К ряду «образов радетельных христиан» [Захаров, 2001: 14] в романе «Подросток», безусловно, принадлежит Макар Иванович Долгорукий. Носительницей религиозного начала и воплощением народной души можно назвать и мать Аркадия — Софью Андреевну Долгорукую. Примечательно, что единственное младенческое воспоминание о матери у Аркадия было связано со сценой Причастия:

«...а вас, мама, помню ясно только в одном мгновении, когда меня в тамошней церкви раз причащали и вы приподняли меня принять дары и поцеловать чашу; это летом было, и голубь пролетел насквозь через купол, из окна в окно...»¹.

Трудно согласиться с мнением о том, что Версиров (отец Аркадия) не может помочь ни примером, ни советом своим детям, поскольку он выступает «как противник назидательного отношения к своим детям, считая, что каждый должен делать свой выбор...» [Карпиленко: 33]. Версиров является человеком, к которому тянется сердце Аркадия и которого он пытается понять. «Ты не знаешь души моей, Лиза, ты не знаешь, что значил для меня человек этот...» (161), — признается он своей сестре. Он и Версирову открывается в том, что жил им и мечтал о нем:

«Да повторяю же, я только и делал, что доставал о вас подробности, все эти девять лет» (96).

Образ Версирова амбивалентен и искушаем: «Я могу чувствовать преудобнейшим образом два противоположные чувства в одно и то же время — и уж конечно не по моей воле» (171), — говорит он, но факты его общения с Аркадием как отца с сыном оказывают действие позитивно-воспитующее. Достоевский показывает, что назидательность — не главное условие возрастания личности объекта воспитания, но важен именно свободный выбор, невозможность которого обличает писатель, вкладывая утверждения блага противоположного ограничения свободы в уста антропоцентрического образа зла — великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы»:

«Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, — но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же, наконец, и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора?»².

Должную свободу выбора и предоставляет Аркадию Версиров, способствуя своим общением с ним искуплению своего греха, того, что «произошло в высшей степени нечаянно» (105). Именно так характеризует начало своих отношений с Софьей

Андреевной сам Андрей Петрович, находясь «в настроении в высшей степени покаянном» (105) и признаваясь, что дальнейшее поддержание отношений с ней было, исходя из идеала, «гуманно»: «...по крайней мере сколько я тогда представлял себе подвиг гуманности» (105).

К. Д. Ушинский писал об особенной роли личного влияния «воспитателя на воспитанника <...> только в нем одном, скрывается источник силы первоначального воспитания» [Ушинский: 92]. В этом контексте заслуживает внимания феномен взаимного нравственного совершенствования участников общения как отвечающего духу православной антропологической педагогики. Здесь в качестве примера уместно привести духовное взаимодействие отца (Версилова) и сына (Аркадия) в пространстве семьи, под воздействием благотворного влияния которой имеют шанс измениться оба. Резюмируя результаты обобщения научных работ по содержанию и среде «духовного возрастания» Аркадия Долгорукого, отметим, что имеющий особое идейно-художественное значение вопрос о семье Подростка как школе любви остался отчасти вне фокуса исследовательского интереса, что, вероятно, связано с наиболее распространенным мнением о негативной роли Версилова в жизни Аркадия. Андрей Петрович, таким образом, как бы «выпадает» из контекста воспитывающей среды, но при такой интерпретации семья Версильовых-Долгоруких не получает своего завершенного порядка. Образ Макара Ивановича (как юридического отца Аркадия) является символом благочестия и праведности. Его пребывание на страницах романа непродолжительно, но при этом влияние на Аркадия явственно представлено, однако здесь имеет место тот случай, когда зерно упало на удобренную почву, Аркадий к моменту появления Макара Ивановича был уже включен в процесс «первоначального воспитания», при котором на возрастание души работает атмосфера семейных отношений.

Оформившиеся в «Подростке» идеи построения процесса воспитания, имеют во многом, как можно представить на основании имеющихся свидетельств, биографический характер, и именно «ценностная позиция автора организует художественное произведение» [Киселева: 6]. Ф. М. Достоевский

стремился к сердечным отношениям в своей семье. А. Г. Достоевская отмечала:

«У мужа было какое-то особое умение разговаривать с детьми, войти в их интересы, приобрести доверие (и это даже с чужими, случайно встречавшимися детьми) и так заинтересовать ребенка, что тот мигом становился весел и послушен»³.

Супруга объясняла это «его всегдашнюю любовь к маленьким детям, которая подсказывала ему, как в данных обстоятельствах следует поступать»⁴.

Ф. М. Достоевский полагал, что именно в детские годы закладывается фундамент личности, он писал, что «два-три впечатления поглубже выжитые в детстве, собственным усилием (а если хотим, так и страданием), проведут ребенка гораздо глубже в жизнь...»⁵. «Я ни прежде, ни потом, — говорит Достоевская, — не видала человека, который бы так умел, как мой муж, войти в мирозерцание детей»⁶. По воспоминаниям дочери писателя Л. Ф. Достоевской, в качестве средств воспитания Федор Михайлович использовал общение с детьми, ласку, чтение книг, он сам читал им «древние русские сказания», поэмы Пушкина, кавказские поэмы Лермонтова, «Тараса Бульбу» Гоголя, Шиллера, развивая их литературный вкус и углубляя взаимопонимание совместным сопереживанием⁷.

Один из основных мотивов «Подростка» — мотив понимания / непонимания. И если непонимание приводит к трагическому результату (например, в качестве одной из причин следствия непонимания Ф. М. Достоевский показывает ужасную историю самоубийства Оли, неверно истолковавшей благородный жест Версилова), то понимание, напротив, открывает ценность и красоту жизни. Условием понимания выступают чувства, среди которых на первом месте оказывается доверие, ставшее следствием отношений любви, самым естественным выражением которой является семья. Семья у Аркадия, несмотря на ее «случайный» характер, присутствует. Версиров по благородству своих идей не оставляет свою дворовую (мать Аркадия), а духовные страдания Софьи Андреевны, которая осознает себя грешницей, поднимают ее над грехом. Мать Аркадия берет на себя все тяготы супружеской

жизни не по закону, а по любви и смирению, созидавая семейную атмосферу, противопоставленную «вавилонскому» разобщению, идея которого четко прорисовывалась уже в черновиках романа:

«Столпотворение вавилонское, — говорит ОН. — Ну вот мы, русская семья. Мы говорим на разных языках и совсем не понимаем друг друга»⁸.

В окончательном тексте именно мотив понимания и смежный с ним мотив прощения, являясь проявлением идеи любви, способствуют разрешению конфликта, связанного со случайным характером семьи Версиловых-Долгоруких. В «случайном семействе» усилием всех его членов устанавливается понимание, они ощущают внутреннее родство. «Да мало того, я и сама такая же; я тебя во всем поняла. Знаешь ли ты, что и мама такая же?» (162), — говорит Лиза в ответ на откровения Аркадия.

Важной составляющей общения Аркадия в семье становится «ум сердца» (так называемый эмоциональный интеллект):

«Он даже улыбнулся, тотчас же за ним стали улыбаться и мать и сестра. Доверчивость возвращалась...» (93).

Диалог Аркадия с Софьей Андреевной исполнен живым откликом на настроение друг друга:

«Мне самому очень было бы приятно, если б вы, мама, говорили мне *ты*.

— Ах... Ну и хорошо, ну и буду, — заторопилась мать, — я — я ведь не всегда же... ну, с этих пор знать и буду» (83).

Аркадий так описывает деликатность отца:

«Трогало меня иногда очень, что он, входя по вечерам, почти каждый раз как будто робел, отворяя дверь, и в первую минуту всегда с странным беспокойством заглядывал мне в глаза: “не помешаю ли, дескать? скажи — я уйду”» (170).

Аркадия умиляет и вдохновляет личность отца в его отношении к нему:

«Вот это-то смирение предо мной от такого человека, от такого светского и независимого человека, у которого так много было

своего, разом воскрешало в моем сердце всю мою нежность к нему и всю мою в нем уверенность» (170).

В воспоминаниях Аркадия образ отца связан с христианским терпением и смирением:

«А деспотировал я его ужасно <...> Его же тон был по-прежнему с тонкой насмешкой, хотя и чрезвычайно всегда ласковый, несмотря ни на что» (169–170).

Версиков способен просить прощения у сына, узревая в этом залог сохранения и развития добрых отношений:

«Впрочем, я все еще не теряю надежды, что ты как-нибудь соберешься с силами и все это нам наконец простишь и мы опять заживем как нельзя лучше» (98).

Отец оказывает сыну уважение и душевную поддержку, в неоднозначной ситуации он внушает Татьяне Павловне то, что нужно дать Аркадию выговориться:

«Аркадий, очевидно, что-то замыслил, и, стало быть, надо ему непременно дать кончить» (96).

Аркадий вспоминает, как он задавал Версикову неудобные, давно тревожащие его вопросы:

«Я даже прямо это заявил ему, и он не рассмеялся надо мной — напротив, помню, пожал мне руку» (171).

После первой семейной ссоры Версиков поднимается к Аркадию, чтобы поддержать его объяснением, что «то, что внизу произошло, — тоже все в совершенном порядке вещей» (101). Диалог Андрея Петровича с Аркадием выстроен на позициях равенства и обмена мнениями (не диктата), отец предлагает сыну самому принять решение, без давления со своей стороны, только посредством мягкого и терпеливого разъяснения:

«Не понимаю; а, впрочем, если ты столь щекотлив, то не бери с него денег, а только ходи. Ты его огорчишь ужасно; он уж к тебе прилип, будь уверен... впрочем, как хочешь» (89).

Версиков поддерживает позитивные проявления в поведении Подростка:

«Самое лучшее, мой милый, это то, что ты засмеялся <...> Он очень мил сегодня...» (90–91).

Он угадывает настроение сына и чувствует его духовное состояние:

«— А! и ты иногда страдаешь, что мысль не пошла в слова! Это благородное страдание, мой друг, и дается лишь избранным» (102).

Поучения Версилова облечены в форму ненавязчивого напоминания о христианских ценностях:

«Что тебе делать, мой милый? Будь честен, никогда не лги, не пожелай дому ближнего своего, одним словом, прочти десять заповедей: там все это навеки написано» (172).

Воспитательный характер отношений отца и сына амбивалентен, не только Версиров оказывает влияние на становление Аркадия, но и Подросток пробуждает благие душевные движения в душе отца:

«Напротив, мой друг, напротив, и если хочешь, то очень рад, что вижу тебя в таком замысловатом расположении духа; клянусь, что я именно теперь в настроении в высшей степени покаянном, и именно теперь, в эту минуту, в тысячный раз может быть, бессильно жалею обо всем, двадцать лет тому назад происшедшем» (105).

При изображении семейных отношений Ф. М. Достоевский показывает образ соборности: в семью включены все находящиеся в близком душевном общении. Версиров, Софья Андреевна, Аркадий, Лиза, Макар Иванович, тетушка Татьяна Павловна — все включены в круг заботы друг о друге, в котором взаимная любовь есть главная ценность.

«Я думаю, если б мы с тобой, здесь теперь, раз или два погромче рассмеялись, то поселили бы восторг в их робких сердцах. Пусть это и простые сердца, но они любящие, искренно и простодушно, почему же не полелеять их при случае?» (102),

— говорит Версиров Аркадию.

Образцом любви выступает и Лиза, понимающая, что все держится на любви. Она отвечает Аркадию на его просьбу:

«Скажи маме, что я люблю ее.

— Она это знает. Она знает, что ты и Андрея Петровича тоже любишь» (132).

Аркадию важна бескорыстная любовь Лизы:

«— Я буду помнить, Лиза, что ты побледнела, когда услышала, что я пойду на дуэль!

— Да, да, вспомни и об этом!» (295).

Макар Иванович Долгорукий заботится о Софье Андреевне:

«Только ты мать не буди, — прибавил он, как бы вдруг что-то припомнив. — Она тут всю ночь подле суегилась, да неслышно так, словно муха; а теперь, я знаю, прилегла» (286–287).

В высшей степени психологично, глубоко и очень трогательно душевное озарение Софьи Андреевны в тот момент, когда Аркадий обращается к ней со словами:

«А что же вы, мама, мне про нашего дорогого гостя <Макара Ивановича> ничего не сказали?» (291).

Аркадий замечает, что при этом:

«Все беспокойство разом исчезло с лица ее, и на нем вспыхнула как бы радость, но она мне ничего не ответила, кроме одного только слова:

— Лизу тоже не забудь, Лизу; ты Лизу забыл» (291).

Софья Андреевна напомнила сыну о Лизе, потому что все они — единое целое, семья и в радости своей и в горе — с оглядкой на родного человека. Лишиться семьи — как лишиться части себя.

«Не могу выразить, как сжалось у меня сердце, когда я остался один: точно я отрезал живьем собственный кусок мяса!» (111) — говорит Аркадий.

Условие «счастия» — быть вместе, как описывает это Аркадий в разговоре с Лизой:

«Дадим слово, что всегда припомним этот день, когда мы вот шли с тобой оба рука в руку, и так смеялись, и так нам весело было... Да? Ведь да?» (161).

Именно любовь, по убеждению Ф. М. Достоевского, есть необходимое условие семейного воспитания. «Сердечная, всегда наглядная для них забота ваша о них <детьми>, любовь ваша к ним согрели бы как теплым лучом все посеянное в их душах, и плод вышел бы, конечно, обильный и добрый», — скажет он в «Дневнике Писателя» 1877 г.⁹ Версиров, Софья Андреевна, Аркадий, Лиза — все члены семьи объединены любовью друг к другу: «Я знаю, что ты всех нас любишь», — говорит Версиров Аркадию (91). Софья Андреевна определяет любовь как единственно возможный способ существования:

«Ты, Аркаша, на нас не сердись; умные-то люди и без нас с тобой будут, а вот кто тебя любить-то станет, коли нас друг у дружки не будет?» (212).

Софья Андреевна чувствами торопится, рдеет «от быстрого прилива воспоминаний» (92), вскакивает на просьбы сына, говорит с чувством. Это замечает Аркадий, и ему нравится это проявление чувств, он размышляет:

«Она вся покраснела. Решительно ее лицо бывало иногда чрезвычайно привлекательно» (83).

Обращение матери к сыну наполнено нежностью: Аркаша, Голубчик, Аркашенька. Андрей Петрович в обхождении с Аркадием создает атмосферу тепла, называя его: «друг мой», «мой друг», «мой милый», «милый ты мой», «милый мой мальчик», и бесконечной душевной близости: «я и считаю нужным тебя предостеречь, потому что искренно полюбил тебя, мой милый» (174). Аркадий для Версирова — свой идеал, в нем он видит «пылкого и честного мальчика» (242), желает ему, чтобы он всегда был так же «чист душой, как теперь» (225).

В черновых записях Ф. М. Достоевского, предшествующих созданию романа «Подросток», есть комментарий автора о разобщенности людей:

«Главное

Во всем идея разложения, ибо все *врозь* и никаких не остается связей не только в русском семействе, но даже просто между людьми. Даже дети *врозь*»¹⁰.

Но если при замысле произведения особенно была важна идея разложения духовных основ изображаемого общества, то явленный текст романа направлен не на утверждение этой идеи, а на художественно и концептуально успешную попытку найти альтернативу греховной разобщенности; эта альтернатива обретается в чувстве соборного единения, которое наиболее выражено проявляет себя в семейных связях. Именно идея семейного родства и основанных на любви отношений между близкими людьми противопоставлена «вавилонскому столпотворению» и положена в основу романа «Подросток». Именно родственные отношения проявляются как «законченность форм» и «порядок» и единственное, к чему можно, по выражению стороннего наблюдателя в «Заключении» романа, «примкнуть» (453). Процесс духовного возрастания Аркадия Долгорукого происходил в условиях обретения им семьи и в условиях самого становления семьи, пути преодоления ею своего «случайного» характера и обретения благодати сопричастности друг другу. Возникающее чувство соборности поддерживает всех и каждого.

Аркадий чувствует себя счастливым и оставляет деструктивную ротшильдовскую идею. Как верно отмечал К. В. Рыцарев: «Подросток вспоминает об идее именно тогда, когда его отношения с отцом разрушаются» [Рыцарев: 357]. Лиза сохранила любовь и преданность семье и тем утешена. Версиков все еще остается задумчивым и противоречивым, и пусть для него «Достоевский показывает лишь далекий свет преображения» [Комарович: 37], но «самое полное счастье светится на лице его» (447), и он «с умилением засматривает» (446) в глаза Софьи Андреевны. Страсти стихли и «наступила новая жизнь» (451). В. Н. Захаров пишет, что «в финале романа Аркадий расстается с духовным сиротством. Он встает на истинный путь: произошло соприкосновение его идеи с идеалом Версикова и правдой Макара Долгорукого» [Захаров, 2015: 572], таким образом, по верному замечанию Е. А. Федоровой, в романе Ф. М. Достоевского рождается «соборная личность» [Федорова: 269].

Идея духовного возрастания молодого поколения посредством приятия родственной любви с ее «умом сердца» (эмоциональным интеллектом), взаимным уважением и поддержкой,

ненасильственными отношениями представляет собой философско-педагогическое послание Ф. М. Достоевского в будущее, «ибо из подростков созидаются поколения...» (455). Сюжет романа «Подросток» связан с процессом становления человека в его переходный период: от детства к взрослости, от своего рода свойственной ребенку априорной безгрешности к выбору вектора своей взрослой жизни, к осознанию своей духовно-нравственной парадигмы. И именно влияние семьи, наличие и проявление родственного чувства определяет развитие Подростка, как Ф. М. Достоевский обозначает своего 19-летнего героя. Ф. М. Достоевский решает в романе вопрос, что может быть противопоставлено «вавилонскому столпотворению», предзнаменующему конец света и являющемуся следствием греховности человека, и решает его в пользу безусловной ценности семейных отношений. Изобразив историю «случайного семейства», явившегося следствием Божьего попущения человеческой немощи и неразумия, Ф. М. Достоевский при этом позволяет героям и читателю увидеть в феномене семьи идеал человеческих отношений, который отвечает воле Божьей и сущностному миропорядку. Слова Николая Семеновича в эпилоге о том, что «будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса» (455), будучи перспективными в его понимании, на самом деле уже осуществлены тканью романа. Достоевский и есть тот предрекаемый художник, который по мысли В. Н. Захарова, «давно во всем превзошел самого себя» [Захаров, 2021: 7], превзошел свое человечество своим гением. Значение православно-педагогического наследия Ф. М. Достоевского становится все более актуальным в контексте продолжающегося и пока не увенчавшегося очевидным успехом поиска «скреп» современного общества в противовес его антагонизму — соперничеству, розни, враждебности. В своем романе Ф. М. Достоевский представил, как семейные отношения могут преобразовать человека, «взрастить» его, а также саму стратегию воспитания человека в семье, нахождение им вечных ценностных ориентиров. Представив незаконное в духовном и гражданском понимании «случайное семейство», Ф. М. Достоевский, не отвергая закона, показывает всеисильность Божьей

любви, покрывающей человеческие слабости, и утверждает главенство «сверхзаконной небесной Благодати над земным Законом» [Есаулов: 22]. Своеобразие романа «Подросток» как романа воспитания заключается в том, что личностное самоопределение героя, изменение его картины мира, обретение позитивно-ценностной парадигмы и процесс духовного преобразования семьи составляет неразрывное целое.

Примечания

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 92. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Там же. Т. 14. С. 232.
- ³ Достоевская А. Г. Воспоминания / сост., вступ. ст., коммент. Б. Н. Тихомирова, И. С. Ярышевой. СПб.: Азбука, 2011. С. 333.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 9.
- ⁶ Достоевская А. Г. Воспоминания. С. 333.
- ⁷ Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 152.
- ⁸ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 16. С. 16.
- ⁹ Там же. Т. 25. С. 190.
- ¹⁰ Там же. Т. 16. С. 16.

Список литературы

1. Вассена Р. Достоевский для детей: провал или успех первого детского издания, составленного А. Г. Достоевской (1883) // Неизвестный Достоевский. 2019. № 3. С. 116–139 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570443099.pdf (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201
2. Викторovich В. А. Роман познания и веры // Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: возможности прочтения: сб. ст. Коломна: КГПИ, 2003. С. 17–27.
3. Воронина Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: своеобразие жанровой модели // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». 2015. Т. 12. № 2. С. 15–21.
4. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». М.; Л.: Советский писатель, 1963. 344 с.
5. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2014. 560 с.
6. Есаулов И. А., Тарасов Б. Н., Сытина Ю. Н. Анализ, интерпретации и понимание в изучении наследия Достоевского. М.: Индрик, 2021. 336 с.

7. Захаров В. Н. Христианский реализм в русской литературе (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. 2001. № 6. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (01.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511
8. Захаров В. Н. Творчество как обретение Слова // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2015. Т. 11. С. 566–576.
9. Захаров В. Н. Актуальность Достоевского // Известный Достоевский. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–20 [Электронный ресурс]. URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (01.05.2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321
10. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001. 800 с.
11. Карпиленко А. Ю. «...Хорошим примером человек живет» (по роману Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15. № 4. С. 30–34.
12. Киселева И. А. Предисловие // Киселева И. А., Абашева Д. В., Алпатова Т. А. [и др.]. Ценностные основы национальной картины мира в русской литературе. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 5–7.
13. Киселева И. А., Сахарчук Е. С., Сахарчук А. Л. Ценностно-смысловые ориентиры педагогической системы В. В. Зеньковского // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 1 (81). С. 73–77.
14. Комарович В. Л. Роман Достоевского «Подросток» как художественное единство // Ф. М. Достоевский: статьи и материалы / под ред. А. С. Долинина. Л.; М.: Мысль, 1924. Сб. 2. С. 31–68.
15. Кошечко А. Н., Пацюрка Е. И. Педагогические идеи Ф. М. Достоевского в «Дневнике писателя» (К постановке проблемы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 105–110.
16. Пичугина В. К. Антрополого-педагогические концепции в России второй половины XIX — начала XX в.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009. 28 с.
17. Рыцарев К. В. Композиция романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Вопросы русской литературы. Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина. 1970. № 389. С. 348–361.
18. Семенов Е. И. Роман Достоевского «Подросток»: проблематика и жанр. Л.: Наука. 1979. 167 с.
19. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. М.: Педагогика, 1988. Т. 2. 494 с.
20. Федорова Е. А. Церковный календарь, евангельский и литургический текст в романе «Подросток» и «Дневнике Писателя» (1876) Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2021. № 1. С. 258–282 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (01.05.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182

21. Филиппов А. Н., Жирнов Р. В. Христианско-антропологические основы воспитания // Глобальный научный потенциал. 2020. № 12 (117). С. 204–208.
22. Широкова М. А. Педагогическое наследие Ф. М. Достоевского (Психологические характеристики детских персонажей в произведениях писателя) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. IV: Педагогика. Психология. 2006. Вып. 3. С. 91–106.

References

1. Vassena R. Dostoevsky for Children: the Failure or Success of the First Children's Book, Compiled by Anna Dostoevskaya (1883). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2019, no. 3, pp. 116–139. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1570443099.pdf (accessed on May 01, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4201 (In Russ.)
2. Viktorovich V. A. A Novel of Knowledge and Faith. In: *Roman F. M. Dostoevskogo «Podrostok»: vozmozhnosti prochteniya [Fyodor Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Possible Reading Interpretations]*. Kolomna, Kolomna State Pedagogical Institute Publ., 2003, pp. 17–27. (In Russ.)
3. Voronina E. A. Dostoevsky's Novel "The Adolescent" as a Bildungsroman: Peculiarities of the Genre Model. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika» [Bulletin of South Ural State University, Series "Linguistics"]*, 2015, vol. 12, no. 2, pp. 15–21. (In Russ.)
4. Dolinin A. S. *Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy» [The Last Novels of Dostoevsky. How "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov" Were Created]*. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. *Paskhal'nost' russkoy slovesnosti [Paskhal'nost' of Russian Literature]*. Moscow, Krug Publ., 2014. 560 p. (In Russ.)
6. Esaulov I. A., Tarasov B. N., Sytina Yu. N. *Analiz, interpretatsii i ponimanie v izuchenii naslediya Dostoevskogo [Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Dostoevsky's Legacy]*. Moscow, Indrik Publ., 2021. 336 p. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. Christian Realism in Russian Literature (Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2001, no. 6, pp. 5–20. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2511> (accessed on May 01, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2001.2511 (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Creativity as the Acquisition of the Word. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2015, vol. 11, pp. 566–576. (In Russ.)
9. Zakharov V. N. The Relevance of Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2021, vol. 8, no. 1, pp. 5–20. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1617397021.pdf (accessed on May 01, 2021). DOI: 10.15393/j10.art.2021.5321 (In Russ.)

10. Zen'kovskiy V. *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., Raritet Publ., 2001. 800 p. (In Russ.)
11. Karpilenko A. Yu. "...A Person Follows a Good Model" (After F. M. Dostoevsky's Novel "The Adolescent"). In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova* [Vestnik of Kostroma State University Named After Nekrasov], 2009, vol. 15, no. 4, pp. 30–34. (In Russ.)
12. Kiseleva I. A. Preface. In: *Kiseleva I. A., Abasheva D. V., Alpatova T. A. Tsenostnye osnovy natsional'noy kartiny mira v russkoy literature* [The Value Foundations of the National Picture of the World in Russian Literature]. Moscow, Moscow Region State University Publ., 2019, pp. 5–7. (In Russ.)
13. Kiseleva I. A., Sakharchuk E. S., Sakharchuk A. L. Value-Semantic Guidelines of V. V. Zenkovsky's Pedagogical System. In: *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2021, no. 1 (81), pp. 73–77. (In Russ.)
14. Komarovich V. L. Dostoevsky's Novel "The Adolescent" as an Artistic Unity. In: *F. M. Dostoevskiy: stat'i i materialy* [F. M. Dostoevsky: Articles and Materials]. Leningrad, Moscow, Mysl' Publ., 1924, collection 2, pp. 31–68. (In Russ.)
15. Koshechko A. N., Pats'orka E. I. Pedagogical Ideas of F. M. Dostoevsky in "A Writer's Diary" (to the Problem Statement). In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 6 (195), pp. 105–110. (In Russ.)
16. Pichugina V. K. *Antropologo-pedagogicheskie kontseptsii v Rossii vtoroy poloviny XIX — nachala XX veka: avtoref. dis. ... kand. pedagog. nauk* [Anthropological and Pedagogical Concepts in Russia of the Second Half of the 19th — Early 20th Century. PhD. pedagog. sci. diss. abstract]. Volgograd, 2009. 28 p. (In Russ.)
17. Rytsarev K. V. Composition of the Dostoevsky's Novel "The Adolescent". In: *Voprosy russkoy literatury. Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni V. I. Lenina* [Questions of Russian Literature. Scientific Notes of the Moscow State Pedagogical Institute Named After V. I. Lenin], 1970, no. 389, pp. 348–361. (In Russ.)
18. Semenov E. I. *Roman Dostoevskogo «Podrostok»: problematika i zhanr* [Dostoevsky's Novel "The Adolescent": Problems and Genre]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 167 p. (In Russ.)
19. Ushinskiy K. D. *Pedagogicheskie sochineniya: v 6 tomakh* [Pedagogical Writings: in 6 Vols]. Moscow, Pedagogika Publ., 1988, vol. 2. 494 p. (In Russ.)
20. Fedorova E. A. Church Calendar, Gospel and Liturgical Text in the Novel "The Raw Youth" and "A Writer's Diary" (1876) by Fyodor Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2021, no. 1, pp. 258–282. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1612777253.pdf (accessed on May 01, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9182 (In Russ.)
21. Filippov A. N., Zhirnov R. V. Christian-Anthropological Foundations of Education. In: *Global'nyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential], 2020, no. 12 (117), pp. 204–208. (In Russ.)

22. Shirokova M. A. F. M. Dostoevsky's Pedagogical Heritage (Psychological Portraits of Children in the Writings of Dostoevsky). In: *Vestnik pravoslavnogo svyato-tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: pedagogika. Psikhologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 4: Pedagogy. Psychology], 2006, issue 3, pp. 91–106. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Киселева Ирина Александровна, *Irina A. Kiseleva*, PhD (Philology), доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>; e-mail: kaf-rusklit@mgou.ru.

Сахарчук Елена Сергеевна, доктор педагогических наук, доцент, зав. лабораторией современных средств и форм воспитания, Российская академия образования (ул. Погодинская, 8, г. Москва, Российская Федерация, 119121); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4185-4112>; e-mail: 1515303@mail.ru.

Elena S. Sakharchuk, PhD (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Head of the Department modern means and forms of education, Russian Academy of Education (ul. Pogodinskaja 8, Moscow, 119121, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4185-4112>; e-mail: 1515303@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.07.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.08.2021

Принята к публикации / Accepted 25.08.2021

Дата публикации / Date of publication 30.09.2021